

Евгений Санин

МЫ- ДО НАС

Евгений Георгиевич Санин
Мы – до нас
Серия «Тайна Рубинового
Креста», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44623483

Мы – до нас / Евгений Санин: Сатишь; Санкт-Петербург; 2009

ISBN 5-7868-0080-6

Аннотация

В этой книге мы вновь встречаемся с уже знакомыми героями романов «Тайна Рубинового Креста» и «Белый Гонец». Автор приводит нас на раскопки, где трудятся уже повзрослевшие ребята и их замечательный наставник. Здесь они испытывают увлечения и разочарования, печали и радости. В романе снова используется художественный прием, когда действие происходит одновременно в разные исторические эпохи.

Думается, что самой важной мыслью этого произведения является мысль о гармонии и красоте, как основе строительства жизни – и личной, и русской национальной.

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	7
Глава вторая	38
Глава третья	74
Конец ознакомительного фрагмента.	86

**Монах Варнава (в миру
Евгений Георгиевич Санин)**

Мы – до нас

По благословению

Архиепископа Брюссельского и Бельгийского

СИМОНА

Автор сердечно просит помолиться о здравии игумена Виссариона (Остапенко), раба Божиего Андрея со чады и о упокоении рабы Божией Ларисы.

Часть первая

Что имеем, не храним

Глава первая

Прудное дело

**– Что?! – словно ослышавшись,
переспросил академик.**

– И здесь ничего нет! – Ваня стянул с головы наушники миноискателя и обреченно махнул рукой. – Все проверил, точно говорю!

Сидевший за огромным столом под брезентовым пологом Владимир Всеволодович метнул на него раздосадованный взгляд и коротко бросил:

– Значит еще раз проверь!

– Да уж сколько можно?!

Ваня вздохнул и, снова натянув наушники, принялся демонстративно медленно водить миноискателем над землей.

Вся территория бывшего пруда около храма была огорожена канатами и представляла собой большую археологическую площадку, величиной с половину футбольного поля. Сам пруд был осушен, верхний слой земли снят и теперь приехавшие вместе с академиком студенты вручную тщетно пытались отыскать здесь то, ради чего все это было затеяно.

Местные жители, в основном мужчины, сгрудившись во-

круг ограждения, дружно обсуждали происходящее:

– Зря только нас такого озера лишили!

– Какое озеро – для Покровки это целое море было!

– Даже целый океан!

– Ни покупаться теперь, ни карасиков половить...

– Скажите спасибо, что хоть от ваших бутылок его очистили! – посмеивались над ними женщины.

– Да и какое же это озеро – маленький пруд!

– Даже, скорее, большая лужа!

– А искупаться и на речку можно сходить!

– Никуда там ваши карасики от вас не денутся!

Проходившая мимо в медпункт медсестра, приветливо кивнув своим детям – Ване и хлопотавшей у длинного обеденного стола Лене, – та и вовсе строго сказала:

– И правильно сделали, что осушили, наконец, этот северно-ядовитый океан! Я каждое лето ежечасно с содроганием ждала, что отсюда начнется эпидемия чумы или холеры!

– Да мы что?.. Мы только, что зря все это! – не желая спорить с одним из самых уважаемых в селе людей, так же дружно согласились мужчины. – Просто столько трудов затрачено – и все впустую! Смотреть, и то не на что!

– Так идите в другие партии! – оглянувшись, засмеялась медсестра. – Там все время что-то находят!

И в этом она тоже была права. Раскопки велись в трех местах Покровки. С двух участков постоянно приносили все новые и новые предметы. Они занимали два огромных

участка на столе. А на третьем лежала лишь жалкая горстка бусин и небольших обломков железных предметов; предназначение некоторых не смог определить даже сам академик.

– Владимир Всеволодович, – осторожно заметил его заместитель, пятикурсник Валентин, – пожалуй, надо закрывать этот раскоп...

– Что?! – словно ослышавшись, переспросил академик.

– Закрывать как бесперспективный... – повторил Валентин. – Вы же сами видите, что здесь ничего нет!

– Вижу! – кивнул академик и пробормотал: – Но не может такого быть, чтобы здесь этого не было... тем более что... и в такой день...

– Чего не было? Что тем более? И – день, как день! – недоуменно пожал плечами Валентин. – Владимир Всеволодович! Мы полмесяца копаемся здесь без всякого результата. Очевидно, все было опустошено еще во время нашествия хана Батыея!

– Но ведь что-то же мы нашли! И явно конца одиннадцатого-начала двенадцатого века! То есть, домонгольского времени!

– Так же, как и следы большого пожара!

Владимир Всеволодович встал из-за стола и прошелся перед упрямо стоявшим на своем заместителем.

– Послушайте, Валентин! Я целый год обивал пороги самых различных инстанций, чтобы мне разрешили произвести раскопки именно в этом месте! Проще, наверное, было

затопить Покровку, чем осушить этот пруд! Потом целую весну расчищал это место с механизаторами, умоляя их ничего не раздавить и не порушить. И вы предлагаете вот так взять и уйти?!

– Ну почему так вот и прямо? Мы же ведь все проверили...

Владимир Всеволодович упрямо поджал губы:

– Ничего не хочу знать! Предварительная разведка показала, что где-то здесь должен быть княжеский терем. Князь не мог построить его вдали от храма. Да и все найденные поблизости предметы свидетельствуют о том. Здесь, под глиной, как в консервной банке, могли сохраниться в целости и неприкосновенности многие предметы, может быть даже княжеская библиотека или архив!

– Да я все это понимаю! Но ведь – нет же ничего... – развел руками студент.

– Значит, плохо ищем! – оборвал его академик. – Не так, не там, не на той глубине!

Он поднялся на небольшой бугорок и, сложив ладони рупором, скомандовал:

– Ребята, давайте-давайте! До жары еще далеко, а вы уже, как сонные мухи! Прошу вас, друзья!

Студенты – кто на самом деле, кто только сделал вид, – но немного ускорили свою работу.

Почти все они давно уже сожалели, что, понадеявшись на убежденность руководителя, выразили желание работать на

месте бывшего пруда.

Исключение составляли трое: Даниил, или как все к нему обращались – «Даня», худощавый паренек, прозванный за свою исключительную память «Энциклопедистом»; Александр – симпатичный парень с атлетической фигурой, которому было абсолютно все равно, где работать, лишь бы только академик поставил ему зачет и отпустил через недельку-другую с миром; и сидевшая рядом с ним на корточках тонкая, вертлявая Юля. Ей тоже было все равно, где быть – лишь бы только рядом с Александром. Заметив, что тот не обращает на нее никакого внимания, она украдкой вздохнула и пообещала:

– Да не расстраивайся ты так, Сашенька! Мы обязательно найдем что-то такое, что Владимир Всеволодович тут же поставит тебе на радостях зачет!

– Твоими устами да пиво бы пить... – усмехнулся тот. – Ты-то откуда знаешь?

– А я всегда все знаю! И потом не первый раз уже с ним на раскопках. И еще не было такого случая, чтобы он ошибся в своих расчетах!

– Ну, знаешь, и на старуху бывает проруха! – лениво отмахнулся Александр.

– На старуху, может, и да, а он еще мужчина в самом расцвете сил! – возразила Юля и, вдруг придумав что-то свое, прищурилась: – А давай на спор?

– На что?

– А хоть на поцелуй...

– Да я-то не против, – пожал плечами Александр, – только Милка, когда приедет, знаешь, что нам за это сделает?

– Так ведь не приехала же еще твоя Людмила... хотя обязательно должна была сегодня!

– Опять будешь утверждать, что все знаешь? – нахмурился Александр.

– Нет, на этот раз не буду, – глядя куда-то вдаль, отрицательно покачала головой Юля.

– О! Это уже что-то новенькое! Наша Юлька чего-то не знает! Не иначе, как дождь сегодня будет! – с удивлением покосился на безоблачное небо Александр. Но Юля не приняла его иронии:

– Дождь будет! Об этом я сегодня, проходя мимо двух стариков, которые на ревматизм жаловались, слышала. А говорю так потому, что на этот раз не знаю, а – вижу!

И она показала глазами туда, где на дороге, ведущей в Покровку со станции, действительно показались две идущие фигурки. Парня и девушки.

– Ура! – тоже заметив их, радостно закричал Ваня и закрутил наушниками над головой.

– А? Что я тебе говорил?! – торжествуя, накинулся на Валентина Владимир Всеволодович и заторопил Ваню:

– Ну, не томи! Что у тебя там? Железо? Цветной металл? Свинец?..

Казалось, еще мгновение, и академик пустится в пляс по-

среди бывшей лужи.

Но – увы! Оглянувшийся на его голос Ваня мгновенно понял, какую он совершил ошибку и виновато пробормотал:

– Ой, простите, Владимир Всеволодович! Я только хотел сказать, что Стас, наконец, приехал! Вон, видите, на дороге? А что касается чего-нибудь металлического – то тут, как не было, так и нет ничего...

Академик посмотрел на них и улыбнулся...

– Ой, Ваня!

Лена подбежала к брату, оправила на себе красивую зеленую кофту с очаровательными желтыми утятами и растерянно спросила:

– А почему... он не один? Кто это с ним?

– А я откуда знаю? – Ваня поскреб рукоятью миноискателя лоб и сплюнул. – Сейчас все узнаем.

Но все выяснилось само собой. Стас неожиданно свернул с дороги, явно поворачивая к дому Вани с Леной, а девушка направилась прямо к бывшему пруду.

– Стасик! Мы здесь! Сюда! – закричал Ваня и упрекнул сестру: – А ты что встречать его не спешишь?

– Н-не могу... Мне почему-то страшно!

Девушка первой подошла к месту раскопок и, приспуская рукой канат, легко, пружинисто перепрыгнула через него. Красивая, вся модная, с яркой спортивной сумкой через пле-

чо.

Она поздоровалась с академиком, покорно выслушала замечание, что негоже ей, хоть она и второкурсница, опаздывать на практику, и с удовлетворением отметив, что и ее спутник тоже пришел сюда, деловито огляделась в поисках своего рабочего места.

Студенты, называя ее кто Людой, кто Милой, наперебой принялись приглашать ее к себе в напарницы.

– Мила! Давай сюда! – поднявшись, призывно замахал ей рукой и Александр.

– Зачем? К чему такое расточительство? Там и так уже два человека! – нахмурился академик.

– В принципе, я могу и с новеньким поработать! – кивая на Стаса, предложила Людмила.

Но тут подбежала Юля и принялась уговаривать:

– Владимир Всеволодович! Втроем мы обязательно что-нибудь найдем! Что-нибудь очень-очень важное! Честное слово! Бог троицу любит!

– Бог Сам – Троица! – назидательно поднял указательный палец академик, но с его лица уже исчезло выражение отказа.

Чувствовалось, что Юля не зря поработала с ним несколько сезонов и знала, чем можно растопить сердце безгранично любящего свое дело академика.

К тому же и Лена – куда только робость ее подевалась! – тоже стала просить:

– Владимир Всеволодович! А можно я вместе со Стасом

буду работать?

– Но ведь ты же у нас повар! – недоуменно посмотрел на нее академик.

– И лишних ставок у нас нет! – категорично вставил подошедший завхоз – невысокий стриженный наголо мужчина с быстрым, наверное как и положено археологу, что-то выискивающим всюду взглядом.

– Да не нужна мне никакая ставка! Я просто так – даром! – поспешила успокоить его Лена. – А что касается обеда, не беспокойтесь – все будет вовремя! Я и там и тут успею! Картошка у меня уже начищена, салат готов. Я Стасу буду помогать раскапывать, а он мне – банки с рыбными консервами открывать! Правда, Стасик?

– Конечно! – охотно подтвердил Стас.

Академик посмотрел на них, улыбнулся, словно вспомнив что-то очень дорогое и теплое из своей молодости, и сказал:

– Ладно, уговорили! Идите во-он туда!

И показал на то самое место, где особенно медленно работал с миноискателем Ваня.

– Владимир Всеволодович! Это же самое пропащее место! – пытался было заступиться за друга тот, но тут уже академик был непреклонен:

– Какое бы оно ни было, но нужно проверить и его! К тому же, других мест пока еще у меня нет!

– Ну, нет так нет! – огорченно развел руками Ваня.

Стас с Леной получили от завхоза перчатки, инструмент,

прошли к указанному месту и молча – слов пока еще не было – принялись за работу. Стас умело копал землю саперной лопаткой, а Лена просеивала каждый комок руками.

– Ничего себе живут деревенские! Смотри, какая на ней кофточка! – поджав губы, покосилась на нее Людмила. – Таковую и в Москве не увидишь! Неужели это в местном райцентре продается?

– Если бы! – усмехнулась, ковыряя в земле лопаточкой, Юля. – Это кофточка из самого Мадрида!

– А ты откуда знаешь?

– Я всегда все знаю! – напомнила Юля и зачастила. – У нее подруга – дочь олигарха, хозяина поселка коттеджей Соколова. Ритой зовут. Вот она и привезла ей в подарок эту кофточку. А еще кроссовки, джинсики – закачаешься, и...

– А... парень кто? – перебила ее Людмила.

– Этот? – кивнула на Стаса Юля. – Первый раз вижу. Но сейчас все узнаем!

Она тут же сорвалась с места, покрутилась около академика, повертелась возле Вани, пообщалась с местными жителями, продолжавшими наблюдать за работой и, вернувшись, сказала:

– Значит, так! Зовут – Стас. Фамилия – Теплов. Только что окончил школу с золотой медалью. Еще не поступил в наш институт, но уже любимчик Владимира Всеволодовича. Впрочем, у него и папаша тоже академик!

– Тоже историк? – уточнила Людмила.

– Нет, кардиохирург. Светило. Причем такого уровня, что сейчас ему предлагают целый дворец под клинику в Москве или под Санкт-Петербургом!

– Дворец – под клинику! О времена, о нравы! – с осуждением покачал головой сразу ставший хмурым Александр.

Юля бросила на него быстрый взгляд и с еще большей охотой продолжила:

– Но сынок и сам, видать, тоже в академики метит. Причем, в ранние. Говорят, он выиграл какую-то такую олимпиаду, что может теперь без конкурса поступать в любой вуз России и даже нескольких крупных стран. А еще у него есть настоящий диск с его собственными песнями!

– Да ну? – не поверила Людмила.

– Точно говорю! Правда, там только его стихи...

– И только-то? Я думал, он поёт, а он всего лишь поэт! – разочарованно протянул Александр.

Но Людмила была иного мнения.

– Надо же, сколько достоинств... – задумчиво проговорила она. – И еще из себя – очень даже ничего!

– Да и девочка возле него тоже что надо! – в пику Людмиле, с ревностью заметил Александр, но, приглядевшись к Лене, уже совсем другим, масляным тоном сказал: – Даже более чем очень-очень!

Юля метнула на него настороженный взгляд:

– Ты это брось! Ей только недавно шестнадцать исполнилось! К тому же у ее брата кулаки, как пудовые гири. Ты ими

полминуты по утрам занимаешься, а он их целый день на себе носит! И отец у нее – лесник, гроза местных браконьеров. Говорят, он даже сидел за убийство, правда потом это не подтвердилось и его выпустили. Но все равно представь, какое решето он может из тебя сделать из-за родной дочери. Так что и мечтать об этой Ленке забудь!

Юля сделала страшные глаза и уже чуть слышно, самой себе, прошептала:

– А вот что касается Стаса...

Она незаметно, но очень внимательно посмотрела на Александра и Людмилу, затем на Стаса и Лену и, явно затаив свою думку, загадочно усмехнулась...

– Это все для тебя... – опустив покрасневшее лицо, чуть слышно прошептала Лена.

Молчание Стаса с Леной грозило затянуться, наверное, до конца работы, если бы девушка не нашла в себе решимости сказать первой:

– Ну, здравствуй, что ли...

– Здравствуй... – тепло, но каким-то задумчивым голосом отозвался Стас.

– Приехал, значит?

– Значит, приехал...

– Ну, еще бы – такие раскопки! Сам Владимир Всеволодович пригласил...

– Причем тут Владимир Всеволодович? Меня приглашали и в другие партии. Например, на Урал, в Крым... Очень перспективное, между прочим, место: эллинская культура, шестой-пятый века до Рождества Христова. Привозные предметы из Афин. Самый красивый классический период: одни вазы чего только стоят. Представь: спортсмены-олимпийники, подвиги героев, амазонки...

– Ну и что же ты туда не поехал? Раскапывал бы себе днем свои прекрасные амфоры с нарисованными амазонками, а потом загорал и купался в море – с живыми!

– Так-то оно так, но... античная археология меня интересует все меньше и меньше. Теперь главная сфера моих интересов – Русь и Россия. Это же ведь тоже неотделимо от Него. – Он помолчал и, словно не сразу решившись на это, добавил: – И потом есть еще одно серьезное отличие тех мест от этого.

– Какое?

– Там не было тебя...

Парень и девушка снова замолчали. И теперь первым нарушил молчание Стас:

– Красивая у тебя кофта! – неожиданно похвалил он.

– Правда? Тебе нравится? – обрадовалась Лена. – Я ее первый раз надела, специально к твоему приезду!

– Да, все в ней так подобрано со вкусом – и цвета, и сюжет! – подтвердил Стас. – Пруд, купающиеся утята и кувшинка. Знаешь, как в древности назывался этот водный цве-

ток? Я сам только недавно случайно узнал: од олень-трава! А я почему-то думал, что одолень-трава – это что-то такое острое, сильное, наподобие лука или даже татарника, а оказалось, она – нежный лист да еще и с цветком!

– Ты, как всегда, смотришь на все со своей исторической точки зрения... – вздохнула девушка.

– Ну почему? Иногда замечаю и другое. Вот ты, например, – стала совсем красавицей... – неожиданно улыбнулся Стас.

– Это все для тебя... – опутив покрасневшее лицо, чуть слышно прошептала Лена.

– И совсем-совсем большой!

– Я же обещала поскорей подрасти...

Лена, вспыхнув, вскочила и кинулась к уставленному мисками и ложками столу.

Несколько раз она так отбегала и почти тут же возвращалась. Разговор сменялся молчанием. А потом снова разгорался, и, в конце концов, перешел на последние новости местной жизни. Оказалось, в Покровке снова появился бывший актер Молчацкий, который два года назад едва не помог авантюристу Градову затопить все это село. На этот раз он ходит по дворам и просит у людей прощения. На вид – искренне, но, скорее всего, чтобы они забрали поданные на него заявления в суд за мошенничество и обман. И дочь олигарха приезжала зимой, а теперь обещает нагреть на недельку летом. И Ник тоже где-то недавно был тут. Все так

же носится на своей машине и уже совсем похож на неприступного, важного бизнесмена. А бывшая жена отца Тихона теперь и вовсе отсюда почти не уезжает. К могилке же бабушки все так же непрерывным потоком едут люди, и многие получают исцеления...

Наконец, Лена не выдержала и спросила о том, что не давало ей покоя с той самой секунды, когда она увидела Стаса.

– А это кто? – словно невзначай, кивнула она на Людмилу. Александр и Людмила разделили наушники, вставив каждый свой в ухо, лениво просеивали быстро накопанную Александром землю и в один такт двигали шеями. Юля сидела чуть поодаль и бросала на них ревнивые взгляды.

– Да так, попутчица! – равнодушно махнул рукой Стас. – В одном поезде ехали. Попросила дорогу в Покровку показать. Я думал, паломница к отцу Тихону, а оказалось – сюда...

– Красивая... и, как теперь говорят, стильная! В одном поезде, говоришь?

– Да успокойся, в разных вагонах! Я даже имени ее не знаю!

– А что мне волноваться? – пожала плечами Лена. – Меня тревожит только то, что ты какой-то не такой приехал.

– Какой это – не такой?

– Ну... мрачный... весь в себе... словно тебя что-то тревожит!

– Ерунда! – изобразил на губах подобие улыбки Стас. –

Просто не выспался в дороге, сама понимаешь – олимпиада, экзамены, постоянное напряжение, а тут вдруг свобода и расслабление. К тому же еще и на завтрак опоздал...

– Ой, Стасик, прости! – ахнула Лена. – Я же совсем на радостях забыла покормить тебя! Ну, это я сейчас мигом исправлю!

Она снова побежала к своему поварскому месту, но на этот раз, минуя костер и готовившийся на нем суп, принялась что-то доставать из своей сумки.

Словно дождавшись своего момента, поднялась и Людмила. Держа в руках небольшой черепок, она направилась к склонившемуся над раскопом в дальнем углу академику и, проходя мимо Стаса, приостановилась:

– Простите, молодой человек, – очаровательно улыбнулась она. – Мы, можно сказать, столько уже прошагали по жизни, а до сих пор еще не знакомы! Как вас звать-величать?

– Станислав! – представился Стас и по привычке добавил: – Но можно – и просто Стасом.

Людмила бросила мгновенный взгляд на уже возвращавшуюся Лену и быстро шепнула:

– А я тогда – просто Мила!

– Хорошо! – рассеянно кивнул Стас.

– Не забудете? Мила! – напомнила девушка и упругой походкой пошла дальше, показывать свой черепок.

Лена подсела к Стасу и, положив рядом небольшую кастрюльку, недовольно спросила:

– Чего это она к тебе подходила? Опять дорогу спрашивала?

– Да нет... Просто визит вежливости!

– Да они тут такие! Особенности... Ничего не скажешь, будущий ученый народ. Тоже любят слова переиначивать, а то и целые предложения.

– И как?

– А! – с досадой отмахнулась Лена. – Я думала – одна такая, а оказалось, совсем нет! Хотя они по-другому все это делают. Не от души, а просто для развлечения и острый ум показать. Иной раз такое скажут, что и не интересно, и не смешно! Да и вообще – детство все это... На, ешь! – протянула она Стасу большую котлету на хлебе, посыпанную свежим укропом. – Специально для тебя готовила!

– Вку-усно! – попробовав, одобрил Стас. – Надо же – совсем еще горячая!

– А я кастрюльку сначала в старую кофту, а потом и в газету завернула. У нас ведь поезд часто опаздывает... Ты ешь, ешь, там еще много! Тебе после таких нагрузок теперь усиленное питание по ложе...

Она подождала, когда Стас, любивший играть в такую словесную игру со своим отцом (да и в последнюю их встречу и с ней), окончит слово, чтобы сказать решительное: «И никаких “но”!» Однако тот почему-то промолчал. И она, теряясь в догадках, молча протянула ему вторую котлету.

Стас с рассеянным видом принялся и за нее.

– Эх, не ценим мы порой то прекрасное, что дает нам природа! – с завистью глядя на него, сглотнул слюну Александр. – Мне бы сейчас эту котлету, так я бы разве так ее ел!..

– А ты возьми мои бутерброды! – предложила почти сразу же вернувшаяся Людмила, доставая из своей сумки тонко нарезанные куски батона с кружочками колбасы. – Мне их мама положила в дорогу, так я к ним даже и не притронулась!

– А хоть бы и притронулась! Еще вкуснее бы были! – усмехнулся Александр.

Юля покосилась на него, но тут же успокоилась – шутка была сказана явно ради красного словца.

– Конечно, никакая колбаса с котлетой не сравнится, но...

Александр взял бутерброд, с блаженством надкусил и стал жевать, бросая на Лену уже вполне откровенные взгляды.

– Ну, все! – вдруг не выдержала Юля и решительно встала. – Пойду, тоже разомнусь, – объяснила она в ответ на недоуменные взгляды соседей и принялась ходить по всей территории раскопок.

Потом она незаметно юркнула в палатку завхоза, вышла оттуда, что-то пряча за спиной, затем бочком-бочком подобралась к баку, в котором (и когда Лена все только успевала делать!) стоял готовый уже суп и, довольная, вернулась на место.

Почти одновременно с ней к двум работавшим неподалеку друг от друга парам подошел и Владимир Всеволодович.

– Та-ак! – слышался его голос, тон которого не предве-

щал ничего хорошего. Он поочередно смотрел на Стаса и на Александра. Те так и застыли под его взглядом: один с недо-еденной котлетой в руке, другой с поднесенным ко рту очередным бутербродом с колбасой.

– Вы что, забыли, что я говорил вам утром? С этого дня и до двенадцатого июля – Петровский пост! И не может быть никакой речи ни о молоке, ни о мясе! Только рыба, и то в разрешенные для этого дни!

– Но Владимир Всеволодович! – поспешила заступиться за Стаса Лена. – Стасик не слышал вашего сегодняшнего предупреждения, и вообще он пока, можно сказать, путешествуящий!

– Точно! – подтвердил подошедший завхоз. – Он мне еще проездной билет не сдал! Кстати, Люда, это и тебя касается!

Стас и Людмила почти одновременно протянули свои билеты на поезд.

Их вид помог принять Владимиру Всеволодовичу справедливое, на его взгляд, решение.

– Ладно, твои доводы меня убедили! – согласно кивнул он Лене. – Станиславу на первый раз прощается. Но что касается вас, Александр... Все-таки уже третий курс. Пора привыкнуть к тому, что быть православным – значит вести православный образ жизни... Заступаете сегодня в ночное дежурство. Идите, готовьтесь.

Всем своим видом дав понять, что его решение окончательное и обжалованию не подлежит, академик круто раз-

вернулся и уже через минуту сидел за столом с находками.

Как только он оказался за пределами слышимости, Александр сразу же принялся возмущаться вслух:

– Нет, вы видели?! Образец юридического беспредела! Вопиющая историческая несправедливость! За одно и то же преступление – одному прощение, а другому – наказание!

– Да нет, Шура, в чем-то Владимир Всеволодович прав... – заступилась за академика Людмила. – Он действительно хочет, чтобы мы за время учебы выучили русскую историю в ее полной – как он сам любит говорить – гармонии.

– Защищай-защищай... своего академика! – обиженно заметил Александр, кивая при этом на Стаса, и язвительно усмехнулся: – Только зря стараешься! У него уже свой адвокат имеется!

Людмила недовольно передернула плечами и, действительно, найдя в комке земли нечто интересное – зеленоватую бусинку, отправилась показывать ее академику. Владимир Всеволодович сразу разволновался и стал доказывать Валентину, что это еще одно доказательство его правоты: бусы зеленого цвета были самыми дорогими и носить их могли только очень богатые и знатные женщины.

– Слушай, Саша, – воспользовавшись тем, что они опять остались одни, осторожно спросила Юля: – Я давно хотела узнать: а почему ребята называют Людмилу по-разному?

– Как это по-разному?

– Ну, одни Людой, а другие Милой? Причем, с каким-то

явным подтекстом! Я спрашивала у ребят, но они почему-то отмалчиваются или отнекиваются – не знаем, мол, и все тут!

Александр тоже захотел уклониться от прямого ответа, но, перехватив призывный взгляд стоявшей у стола Владимира Всеволодовича Людмилы на Стаса, небрежно кивнул на нее:

– Видишь ли... Как бы тебе это объяснить... Ну, словом, тот, с кем она побывала в очень тесных – понимаешь? – отношениях, называет ее Милой. А все остальные – просто Людой!

– Надо же, до чего додумалась! – покачала головой Юля.

– Да, и не зря говорят: дурной пример заразителен. Я вот тоже для одних Саша, а для других Шура... – согласился Александр, и, как нарочно, с соседнего места раскопок его окликнул рыжий парень:

– Шур! Пошли, перекурим?

– Как... неужели ты... – во все глаза уставилась на него Юля.

– Да нет! На мужчин это правило не распространяется! – засмеялся Александр. – Это с ориентированием у меня вечные проблемы: даже в парке в трех соснах могу заблудиться, а что касается ориентации, то тут все в полном порядке. Просто у нас в комнате все четыре студента – Александры. Вот мы, по жребию, и разделились, чтобы не путаться: один Саша, второй Алекс, третий Сандро, а я – Шура.

– А я вот пока для всех – только Юля! – вздохнула девуш-

ка и с лукавинкой посмотрела на парня. – Может, придумаешь мне еще какое-нибудь имя?

– А что? Может, и придумаю... – бросив на нее рассеянный, беглый взгляд и куда более заинтересованный, долгий, на Лену, лениво пообещал Александр и крикнул ждущему ответа соседу:

– Не могу! Академик запрещает курить на территории раскопок, говорит, в Древней Руси этого не было! А я и так в опале! К тому же, скоро обед, вот тогда и проветримся и покурим!

Судя по расположению на небе солнца и добродушно-му настроению академика – двум обстоятельствам, которым студенты доверяли больше, чем собственным часам, – обед уже действительно был не за горами.

Но Владимира Всеволодовича, подошедшего к жителям, вдруг заинтересовало то обстоятельство, что некоторые из мужчин несколько раз чистили этот пруд.

– Так-так, – заторопил он их. – А чего-нибудь такого необычного, чего сегодня нигде не увидишь, не находили?

– Как не находили? – охотно отозвался один из мужчин. – Я лично подкову однажды достал!

– Да какое же это – необычное?.. – разочарованно вздохнул Владимир Всеволодович.

– А разве нет? – удивился мужчина. – Теперь даже в Покровке нет ни одной лошади, все на автомобилях. Разве что только шину да цепи зимой на дороге или в кювете увидишь!

Зрители засмеялись, и тут подала голос одна из женщин:

– Я, конечно, пруд не чистила, но лет двадцать назад, когда мимо проходила, уж очень мне один камень приглянулся. Хороший булыжник такой, пуда полтора-два весом. Ну, я его и прихватила.

– Ай да Наталья Васильевна! Слыхали? – тридцать килограммов так, между прочим, с собой прихватить! – принялись перемигиваться мужчины.

– Ага! Мужа своего гонять!

– Бедный Ефимыч!

– То-то он у тебя на инвалидности!

– Да не слушайте их! – отмахнулась от них женщина. – Мне как раз тогда гнет для квашения капусты нужен был. А что касается необычного, так на нем – то ли стекляшки цветные, то ли камешки с одной стороны были... Я их, конечно, выковыряла и выкинула, а тем камнем квашеную капусту до сих пор закрываю!

– Да... Не густо... – подвел итог беседе академик, но тут подал голос подошедший и узнавший, о чем речь, дядя Андрей:

– Я как-то раз какую-то странную блесну или грузило нашел...

Владимир Всеволодович с новым интересом посмотрел на него:

– И чем же она или, как вы говорите, оно показалось вам странным?

– Так ведь в нашем пруду, кроме карасей, хищных рыб отродясь не водилось, да и сетями никто не баловался! – удивился дядя Андрей. – А еще, вроде, как буквы какие-то на ней были...

– И... что же вы с ней сделали? – боясь дышать, осторожно спросил академик. – Выбросили?

– Зачем? В хозяйстве все годится, верно, мужики? – огляделся дядя Андрей и, дождавшись одобрительного гула голосов, объяснил: – Как говорится, употребил по прямому назначению: сделал из него грузило к закидушке, когда еще до болезни рыбачить на речку ездил! Хорошее, должен вам сказать, было грузило, фартовое!

– Было? – упавшим голосом уточнил академик и вздохнул: – Ну-да, конечно: в конце концов, оно однажды зацепилось за корягу, сорвалось и пропало навсегда?

– Почему? Что я мест на реке не знаю, куда можно забрасывать, а куда нет? – даже обиделся дядя Андрей. – Так в сарае, где все мои рыбацкие снасти, и лежит...

Владимир Всеволодович сразу просиял и умоляюще посмотрел на него, потом – на женщину:

– А вы... не могли бы его принести?

– Конечно! О чем разговор! – охотно согласился дядя Андрей.

– И вы, Наталья Васильевна, свой булыжник тоже... Может, мне вам на помощь кого из студентов дать?

– Да что я, сама не справлюсь?

Дядя Андрей и Наталья Васильевна ушли. Судя по всему, академик был готов дожидаться их возвращения даже до вечера. К тому же, подошел директор школы Юрий Цезаревич и стал просить передать ему после окончания работ все ненужные экспонаты для школьного музея, и студенты с голодным нетерпением, уже с нескрываемым нетерпением, поглядывали на обеденный стол.

Лена давно уже разложила миски и ложки и начала нарезать хлеб.

– Мила! – направляясь на помощь к ней, по пути спросил Стас. – А находки сразу нужно относить или после окончания всех работ?

– Конечно же сразу! А что у тебя? – живо заинтересовалась Людмила и, увидев на ладони Стаса зеленоватую бусинку, воскликнула: – Ой, еще одна! Станислав, это знак! Я же ведь тоже нашла такую, так сказать – пару ей!

Стас равнодушно пожал плечами – пара так пара – и понес находку Владимиру Всеволодовичу.

Но Александр был ошеломлен.

– Что?.. Мила?! – пораженно переспросил он и с презрением посмотрел на девушку: – То-то вы на три часа позже с ним явились! А я-то, наивный, думал, что это поезд опоздал! Что, не хватило времени по дороге?

– Дурак! – швыряя в него щетку, крикнула Людмила. – И не подходи больше ко мне! И своей Милой называть больше не смей! Никогда, слышишь?

Она достала из сумки сигарету, незаметно вышла за пределы раскопа и, воспользовавшись тем, что академик с найденной Стасом бусиной тут же поспешил к Валентину, часто и нервно закурила.

Александр стряхнул со своей белой футболки крошки земли и снова уставился на Лену.

– Так... – довольно потирая ладони, прошептала Юля. – Половина дела сделана. И надо же – сама собой, даже без моего участия! Теперь надо дожидаться решения второй половины – удаления из карьеры нашей деревенской красавицы...

И на это, судя по предвкушению, так и написанному на ее лице, были свои, немалые основания...

– Ничего себе любовь! – с восхищением покрутил головой Александр.

Неизвестно, сколько бы продолжалось голодное ожидание студентов, если бы не Валентин. Он подошел к готовому, казалось, до вечера ждать возвращения ушедших за находками людей академику и решительно заявил:

– Владимир Всеволодович! Обедать давно пора!

– Разве?..

Академик взглянул на солнце, потом на свои часы и с упреком заметил стоявшему рядом завхозу:

– Что же вы мне сразу об этом не напомнили?

– А это не входит в круг моих обязанностей! – напомнил тот. – Мое дело, чтобы все вовремя было сварено, инструмент роздан и получен! И главное, чтоб на всех хватало спальных мешков!

– Ну да, у каждого – свое главное... Давай, собирай ребят на обед! – шепнул Валентину академик и, помявшись, показал завхозу просительными глазами на сгрудившихся у канатов людей: – Только неудобно как-то выходит: мы сядем есть, а они так и будут стоять и смотреть на нас? В Древней Руси – гостеприимство всегда было незыблемым правилом!

– Не знаю, что там и как было в вашей Руси, а у меня – буфет... то есть я хотел сказать – бюджет! – отрезал завхоз. Он, кряхтя, пролез под канаты и с самым независимым видом принялся расхаживать вдоль дороги.

– М-да! – неодобрительно покачал головой, глядя ему вслед, Владимир Всеволодович и с виноватым лицом обратился к зрителям: – Вы уж простите, мы сейчас тут быстренько перекусим и продолжим нашу беседу...

– Да не переживай ты так, Всеволодыч! – послышалось в ответ.

– Что мы, не понимаем – какие у студентов харчи?

– Сказал бы, так мы бы сами принесли им чего-нибудь сытненького!

– А продолжить разговор было бы очень полезно – интересно все же, как жили наши предки! Так сказать, какими были мы – до нас!

– Непременно, непременно обо всем поговорим! – пообещал Владимир Всеволодович и, еще раз извинившись, направился к обеденному столу. Здесь он встал рядом со студентами, и раздалось громкое дружное пение молитвы «Отче наш».

– Надо же... – подивились в толпе. – Порядки, как в монастыре!

– Не то что у тех студентов, что, помните, приезжали убирать картошку?

– Да, те тут порядком накуролесили...

– А у этих, смотри, как все чинно-благородно!

– И начальник у них вон какой уважительный! А ты ему – Всеволодыч!

– А как же еще?

– Владимир Всеволодович! Или товарищ академик! Так что ты ему больше не «дыч», и тем более не «тычь»! Смотри, как он со своими студентами управляется!

– Да, любо-дорого посмотреть... Вон как по-благородному себя ведут за столом...

– Одно слово – историки!

И тут вдруг началось то, что заставило говоривших замолчать и в полном недоумении переглянуться.

Студенты, дождавшись, когда, по строго заведенному им самим правилу, Владимир Всеволодович первым поднесет ложку ко рту, накинулись на суп, и все как один начали отплевываться и кричать:

– Тьфу! Тьфу!

– Отрава!

– Разве это суп?!

– Его же есть невозможно!!!

Владимир Всеволодович, единственный, сделавший полный глоток, вытер носовым платком выступившие на глазах слезы и примирительно сказал:

– Ну, подумаешь... Немного пересолено! В таких случаях на Руси обычно говорили – повар влюбился!

– Ничего себе любовь! – с восхищением покрутил головой Александр и уставился на оглянувшуюся, всю покрасневшую от пламени костра Лену.

– А еще была поговорка: недосол на столе, а пересол на спине! – оборвала его Юля и, прячась за спины других, закричала: – Гнать такого повара! Гнать!!

– Как это... гнать?.. – опешила вконец растерявшаяся Лена.

Она подбежала к столу, взяла у Стаса ложку, зачерпнула из его миски суп, глотнула и сразу осевшим голосом прошептала:

– Ничего не понимаю... Я же ведь сама его пробовала! И, честное слово, все было в порядке...

– Да мы верим, верим!

Владимир Всеволодович встал из-за стола, подошел к костру, наклонился и показал всем кусок не до конца сгоревшей коробки из-под соли.

– Я же говорю – тут дело пахнет любовью! Которая, как известно, во все времена неразрывно была связана с ненавистью и коварством! – усмехнулся он. – От нас, археологов, не укрывается то, что спрятано под спудом тысячелетий, а уж то, что произошло в сегодняшний день...

Студенты, перебивая друг друга, с возмущением принялись выяснять, кто бы это мог сделать; завхоз, призывая в свидетели Перуна и всех других известных ему, по долгу службы, языческих божеств, стал громко подсчитывать, во что сегодняшний обед выльется выделенному ему бюджету, но Владимир Всеволодович поднял руку, призывая всех к тишине:

– Будем великодушными, друзья мои, в конце концов соль – не цикута и тем более не византийский яд! Напомню лишь содеявшему это, что сеющий зло никогда не пожнет добра и роющий другому яму обязательно угодит в нее сам. Не в этой жизни, так после...

Юля еще больше спряталась за сидевших с ней рослых ребят, но Владимир Всеволодович даже не глядел в ее сторону.

– Сейчас нам важно придумать, как исправить сложившееся положение! – озабоченно проговорил он. – И тут мы можем, как говорили древние римляне, убить в одном лесу двух вепрей, а наши предки – одним ударом двух зайцев!

Академик оглядел студентов, ответил на робкий вопрос второкурсника, что римляне так говорили потому, что, как известно, в одном лесу никогда не уживаются два вепря, и

продолжил развивать свою мысль вслух:

– Можно, конечно, положить в такой суп риса, и он, впитав в себя соль, сделает его съедобным. Но, боюсь, риса на такой соляной раствор понадобится столько, что нашего уважаемого завхоза хватит удар от новых дополнительных затрат. Поэтому мы сделаем иначе.

Он положил ладонь на плечо начавшей уже всхлипывать Лене и ласково спросил:

– Вот что, дочка! У тебя ведро кипятка найдется?

– Да... – прошептала в ответ та. – Я его под чай приготовила.

– Отлично! – похвалил академик и прошептал: – Тогда быстренько слей все из мисок обратно в бак, прокипяти и влей туда все это ведро!

– А как же чай?

– А до него, я чувствую, у нас сегодня очередь не скоро дойдет! И понадобится далеко не одно ведро кипятка! – подмигнул ей академик и уже во всеуслышание добавил: – А пока мечи все, что есть в печи: хлеб, рыбные консервы, доставай новые миски, будем есть сами и кормить гостей!

– Каких еще гостей? – начал было возмущенно завхоз, но Владимир Всеволодович неожиданно резким жестом осадил его. И, подойдя к канатам, пригласил радушно всех стоявших за ними на территорию бывшего пруда:

– Друзья! Прошу к столу! Как говорится, чем богаты, тем и рады!

Глава вторая

Бравое дело

**– Правильно, учите, учите их! –
одобрил Юрий Цезаревич.**

Местные жители с благодарностью приняли приглашение академика, и... все как один, предупредив, что «они сейчас», разбежались по своим домам. Не прошло и пяти минут, как они стали появляться вновь, причем далеко не с пустыми руками. Кто шел с кастрюлей борща, кто с кружком колбасы, кто с вареной курицей, кто с пирогом (не все ведь знали, что идет пост)! И все со свежей зеленью, яйцами, огурцами, так что вскоре стол, по выражению Александра, стал напоминать трапезу великого князя после победы над половцами.

Валентин в растерянности посмотрел на Владимира Всеволодовича. Тот озадаченно почесал седой висок и махнул рукой:

– Ладно! Гостям не перечат! Да и потом вы у меня – учащиеся, работу археолога можно приравнять к тяжелой, так что сегодня, в виде исключения, пост – послабляется!

– Ура! – дружно закричали в ответ на это студенты.

– Можно часть продуктов отнести ко мне на склад! – потя-

нувшись к курице, с готовностью предложил завхоз. – Опять же бюджет сэкономим!

– Я сказал, в виде исключения и только один раз! – остановил его академик. – Сегодня же я переговорю с нашими благотворителями, и, надеюсь, это больше не повторится.

За столом стало тесно, но студенты, под руководством Юрия Цезаревича, принесли из школы скамеек, и места хватило всем.

Ваня расположился рядом с другом. С другой стороны к Стасу попыталась подсесть Людмила, но Ваня так грозно сказал ей: «Занято», что та поспешно отошла, и это место, освободившись от своих обязанностей, заняла Лена.

От Вани Стас тоже узнал несколько последних новостей. Только на этот раз – тревожных.

– Не нравится мне что-то эта машина! – показал Ваня Стасу на черный «внедорожник», проехавший мимо.

– А кто в ней?

– Да черные археологи, которые роются на месте бывших боев. Отец пообещал им головы поотрывать, если увидит на своем участке. Вот они и проверяют все время, дома ли он... Знают, что отец даром говорить не будет. И еще этот районный антиквар тут постоянно трется... Как коршун в поисках добычи... Но вроде как никто из ребят с ним не общался...

Ваня хотел еще что-то сказать, но тут Владимир Всеволодович, наконец, встал и постучал ложкой по миске, призывая всех к тишине.

– Молитва уже была, и теперь каждый при желании может помолиться отдельно, – сказал он и сделал радушный приглашающий жест. – Мне остается лишь пожелать всем приятного аппетита или, точнее, как сказали бы наши предки – Ангела за трапезой!

Студенты дружно набросились на еду.

Гости, наоборот, ели совсем немного и, выждав, стали осторожно то ли хвалить, то ли упрекать академика:

– Строго вы с ними, Владимир Всеволодович!

– Да, глядим – у вас тут молитвы утром и вечером, словно в монастыре, на службе в храме все как один. Да и на рабочей площадке порядок, словно на армейском плацу!

– А как же иначе? – удивился академик. – У наших предков учеба всегда была связана со строгостью. Во времена уже того же Ярослава Мудрого, который завел первые школы на Руси, учитель мог даже высечь провинившегося или плохо ответившего на вопрос ученика. А что касается поста, молитвы и самое главное – веры... – он оглядел всех за столом и, больше студентам, чем спрашивавшим, ответил: – Сами рассудите: что может понять ученый историк в истории Рос-

сии, отрывая ее от самого главного, что в ней есть, – я имею в виду, от Православия! Не веря сам, он просто ничего не поймет в этом предмете. И будет, как слепой слепого, вести своих учеников, или водить их, словно экскурсовод по музею, показывая экспонаты, в которых совершенно ничего не смыслит!

– Правильно, учите, учите их! – одобрил Юрий Цезаревич. – И одного обязательно после выпуска направьте к нам в школу. Вон хотя бы Станислава!

Лена с гордостью посмотрела на Стаса, но тот почему-то вдруг снова помрачнел и опустил голову.

Директор школы принял это за скромность и, одобрительно кивнув юноше, продолжил:

– Чтобы он наших детей правильно нашей истории учил. А то, говорят, не в обиду вам будет сказано, некоторые академики такое понапридумывали, что просто в голове не укладывается! Будто и татаро-монгольского нашествия не было никогда, а всего лишь наши князья вовремя не рассчитались с охранявшими границы Руси сторожевыми отрядами. И почитаемый во все века народом Александр Невский был на самом деле Чингиз-ханом. А Иванов Грозных и вовсе не один, а целых четыре было!

– Давайте не будем повторять чей-то бред! Это вообще не тема для серьезного разговора! – поморщился Владимир Всеволодович. – И только для того, чтобы, даже не начиная, закончить ее, скажу, что да, взялись некоторые ретивые ма-

тематики за историю Руси. Разумеется, в полном отрыве от Православной веры, от здравого смысла, наконец, от русско-го фольклора, от тех же песен о тягостном времени монгольского ига, от нумизматики, сфрагистики¹, которые просто камня на камне не оставляют из этих, только на вид убедительных, доказательств...

– Беда, как говорится, коль сапоги начнет тачать пирожник! – с аппетитом откусывая кусок пирога, заметил тракторист, оставивший свой трактор тарахтеть неподалеку от места раскопок.

– Вот видите, вы и сами все поняли! – улыбнулся ему академик, и лицо его снова стало серьезным, даже приобрело какое-то скорбное выражение. – Просто кому-то очень хочется лишить нас нашего великого и славного прошлого, сделать нас, так сказать, Иванами, не помнящими своего родства. А некоторые государства, которые сами-то моложе нашего Большого театра, еще и учат нас, какой быть нашей культуре, и, как я понимаю, управляют делом создания и массового издания таких книг...

Он готов был и дальше, хоть и не хотел, развивать эту тему, столь болезненной была она для него, как для истинного почитателя и ценителя родной старины, но тут, наконец, подошли дядя Андрей и Наталья Васильевна. Первый – с большим куском сала, вторая – с огромной стопкой толстых, жирных блинов.

---

¹ Наука о древних печатях, штампах и т. п.

– Ну-ка, ну-ка! – сразу оборвав себя на полуслове, оживился Владимир Всеволодович и потянулся не к блинам и салу, а к тому, что принес дядя Андрей: большому, испещренному следами плоскогубцев, слитку свинца. – Так я и думал. Печать вашего тезки – великого князя Всеволода Ярославича, сына Ярослава Мудрого и отца Владимира Мономаха.

– Вы, конечно, академик, вам виднее, но... какой же он мой тезка? – удивился дядя Андрей. – Скорей, ваш – по ба-тюшке...

– Да нет, православное имя у него было как раз Андрей, и вот тут, – академик показал на совершенно обезображенную сторону большой княжеской печати, – находилось изображение его небесного покровителя – святого апостола Андрея Первозванного! А вот тут, – перевернул он слиток, – действительно есть пятистрочная греческая благопожелательная надпись, перевод с которой звучит так: «Господи, помоги Андрею».

Дядя Андрей довольно хмыкнул и, порывшись в кармане, брякнул перед академиком еще несколько круглых плоских кружков из темного свинца.

Владимир Всеволодович вопросительно посмотрел на него.

– Это я тоже тогда нашел! – объяснил ему дядя Андрей. – Просто, когда вы спрашивали, забыл про них, а когда в грузилах рылся, то наткнулся и вспомнил. Правда, на них и без плоскогубцев нет никаких портретов и надписей! Так что,

наверное, вообще ничего интересного!

Однако сообщение дяди Андрея и вид кружков неожиданно взволновали академика. Он изучил их и тоном экзаменатора спросил Валентина:

– Что это такое, по-вашему?

– Судя по всему, заготовки для будущих печатей! – уверенно ответил тот.

– Правильно. И что сие означает?

На этот раз пятикурсник задумался, и Владимир Всеволодович сам ответил на свой вопрос:

– А то, что здесь действительно находился княжеский терем! Печать мог привезти с грамотой гонец. Она могла свисать с документа, подтверждающего права собственности какого-нибудь старшего дружинника на эту вещь. Но заготовки будущих печатей... Они могли находиться только непосредственно при самом князе! Так что эти находки не менее ценны, чем эта печать! – уже всем сообщил он и с сокрушением покачал головой: – Ах, как жаль, что она все же так обезображена плоскогубцами...

– Ну, я тут ни при чем! – предупредил дядя Андрей. – Это, наверное, еще из дедов наших кто-то над ней постарался...

– Да нет, думаю, ни деды, ни прапрадеды ваши к ней тоже не прикасались. Это, судя по всему, было сделано еще в то время... – успокаивающе заметил ему Владимир Всеволодович, чем неожиданно привел дядю Андрея в немалое замешательство.

– Что, наши предки – даже плоскогубцы знали? – во все глаза уставился на академика тот.

– А вы думаете, они были глупее нас? – академик, в свою очередь, так изумился, что даже забыл про камень, принесенный Натальей Васильевной.

– А что, разве нет? – усмехнулся дядя Андрей.

– Точно! – поддержали его земляки. – Они же ведь самого элементарного, того, что сейчас даже детям известно, не знали!

– Ни машин, ни телевизора никогда не видели!

– Даже радио не слыхали!

– Ваша правда: не видели, не знали, не слышали, – согласился академик. – Но зато им было известно и понятно то, что уже давно не дано понять нам, живущим, так сказать, в просвещенном двадцать первом веке. Валентин, принесите мне, пожалуйста, наверхие княжеского посоха, ладью и еще что-нибудь для наглядности! – попросил он своего помощника. Тот, понимающе кивнув, пошел к рабочему столу.

Академик собрался продолжить разговор и вдруг увидел, что Стас с Леной, осторожно выйдя из-за стола, направились к своему рабочему месту.

– А вы куда, друзья мои, или вам все это неинтересно? – окликнул он их.

– Нет, что вы! Мы... просто немного поработаем! – немного виновато улыбнулся ему Стас. – Честно говоря, уж очень соскучился по раскопкам!

– И только? – обиженно прошептала ему Лена, а вслух поддакнула: – А слышно нам хорошо и отсюда!

– Ну что ж, дело молодое, работайте! – одобрительно кивнул им академик и снова повернулся к своим слушателям...

**– Ай, какая досада!.. – воскликнул
Владимир Всеволодович.**

Стас и Лена, лишь изредка перебрасываясь вроде бы ничего не значащими, но самыми важными для них словами, продолжали раскапывать самое бесперспективное, с точки зрения Вани, место.

В основном говорили их глаза и то и дело встречающиеся во время работы руки...

– Глядите, их так и тянет друг к другу, а они словно даже не замечают этого! – показывая на них взглядом, возмутилась Юля, и Александр с Людмилой принялись насмехаться:

– Ханжи!

– Святоши!

– Да просто глупые люди!

К счастью, ни Лена, ни Стас не слышали этих слов. Зато до них отчетливо доносился почти весь разговор за столом. Хотя слушали они его, в основном, обрывками.

– Неужели это, и правда, шахматная ладья, то есть тура? – удивлялись люди.

– Они что, и в шахматы, значит, играть умели?

– Да вы что, в самом деле, считаете, что они были дикарями? – возмутился, в конце концов, академик. – Это, наоборот, мы во многом по сравнению с ними теперь дикари! Конечно, не стоит идеализировать то жестокое и неоднозначное время. И тогда существовали коварство и жестокость, предательство и обман, непомерное честолюбие и жадность... Словом, бывало всякое, и всякие бывали среди людей. Но в основной своей массе они были гораздо чище, светлее, духовнее нас! – он показал небольшой обломок, весь покрытый какими-то узорами. – Вот навершие, или ручка, посоха, возможно даже княжеского. Казалось бы, обычная бытовая вещь. Но на ней такие узоры, значение которых нам уже не дано понять! Они же понимали всю их гармонию без труда. А войны? Раньше главной целью сошедшихся в бою дружин было только сломить сопротивление, прогнать противника, причем не уничтожать друг друга до полного истребления. Вполне достаточно было просто оглушить врага ударом булавы по шлему. Откуда и слово – ошеломить! Не случайно многие описания сражений в летописях заканчиваются словами: «...и на том они разошлись, и раненых было много, убитых же мало...» А теперь? Автоматы, пулеметы, гранатометы, я уж не говорю об оружии массового поражения...

Владимир Всеволодович оглядел согласно кивавших людей и продолжил:

– А насколько выше нас были они в духовной жизни! Собственно, Русь и Россия всегда и отличалась именно живой

верой своего народа.

– Ну да, – подтвердил Валентин. – Америку называли предприимчивой, Германию – воинственной, а Русь – святой!

– Правильно! – снова взял бразды разговора в свои руки академик. – Но не потому, что в ней жили одни святые люди, а потому что старались жить по заповедям Божиим и, согрешая, – ну как же живому человеку уберечься порою от этого, – каялись. Каялись все, начиная с простолюдина и кончая самим царем.

Владимир Всеволодович попросил о чем-то Валентина, и тот, сбегав к рабочему столу, вернулся с целой горстью монет.

– Вот, – показал всем самую мелкую из них академик. – Эту серебряную копейку мы нашли недавно на раскопе номер два.

– Ой, меньше ноготка моей внучки! – подивилась Наталья Васильевна. – Как же ее носили-то, не теряя?

– Очень просто – за щекой! – объяснил Владимир Всеволодович. – Нумизматы за ее размеры так и прозвали ее – «капельная копейка». На ней написано: царь и великий князь Алексей Михайлович. В народе его прозвали «Тишайший». Так вот он в Великий пост ежедневно клал, по одним данным, три тысячи, по другим – пять тысяч поклонов. Чтобы понять хотя бы чисто физически, что это такое, то есть какова серьезность такого духовного подвига и степень его пока-

нения, – вы можете сами сделать пятьдесят или, еще лучше, сто поклонов... А кроме того, должен вам сказать, что как бы ни были заняты наши цари управлением государством, например Александр Третий, Николай Второй, – они каждое утро посещали раннюю литургию в храме и только после этого шли вершить государственные дела...

Сидевший неподалеку от Владимира Всеволодовича дядя Андрей сам взял одну из монет и, громко прочитав: «3 копейки 1905 года», пренебрежительно махнул рукой:

– Ну, а это совсем недавнее прошлое. Ничего интересного!

– Не скажите! – отрицательно покачал головой академик. – Это было очень сложное для нашей страны – тогда еще государства, так как был еще Государь – время. Время начала излома. И сам царь Николай Второй отправился в Троицкую Лавру, поклонился мощам игумена Земли Русской Преподобного Сергия, а затем пошел в расположенный в нескольких верстах Черниговский скит за советом к прозорливому старцу Варнаве, которого вся Россия звала старцем-утешителем... Конечно, весь разговор старца с царем навсегда останется тайной. Но то ли со слов келейника, то ли по выражению лица самого императора удалось понять, что отец Варнава открыл ему, что ожидает его и его семью... Говорят, двумя годами раньше то же самое он прочитал в послании, переданном за сто лет до того Царскому Дому преподобным Серафимом Саровским, которого при государе Ни-

колае Втором прославили в лике святых. И почти в то же самое время Николай Второй посетил Иоанна Кронштадтского, и тот тоже подтвердил предсказания. И именно тогда Государь принял решение принести себя в жертву за Россию, и никакие, казалось бы, смертельно опасные случайности ни до войны, ни на фронте... – Владимир Всеволодович показал две медные монеты 1914 и 1915 годов – не заставили его даже смутиться. Наоборот, Государь остался совершенно беспристрастным, так как знал, что время его еще не пришло. И этому тоже есть свидетельства очевидцев...

Академик немного помолчал и бережно взял со стола еще одну монетку:

– А эту копейку нашел у паперти храма сторож Виктор. Он бывший сапер и говорит, что без всякого миноискателя чувствует металл руками. Но дело не в этом, а в дате. Вот видите: 1937 год. Это тоже свидетельство нашей русской святости. И того, кто подал милостыню, и кто сидел, принимая ее на паперти, и кто совершал службу в храме, куда в любую минуту могли ворваться представители безбожной власти. Сотни тысяч людей претерпели мученическую смерть: были расстреляны, утоплены в прорубях, повешены прямо на Царских вратах, закопаны живыми в землю только за то, что до конца исповедывали веру своих предков, веру во Христа!

Владимир Всеволодович пустил копейку по кругу, чтобы каждый мог прикоснуться к ней, а через нее и к тому, кто

не отказался от святой веры в самое страшное время, и продолжил:

– Да, они погибли. Зато теперь у нас есть целый сонм святых новомучеников и исповедников российских, по сути – наших старших современников, которые, предстоя перед Богом, молятся за нас и за Россию!

Дальше разговор пошел вперебивку, в зависимости от вопросов: о том, что когда не было телевизоров, любимым времяпровождением людей, особенно долгими зимними вечерами, было чтение житий святых...; о том, что с древности русские люди старались жить по закону и совести...; о том, что русские купцы некогда были безукоризненно честными, и именно с ними предпочитали иметь дело заморские покупатели...

Наконец, Владимир Всеволодович опять заговорил о главном – о гармонии, которую намного глубже и тоньше, чем мы, понимали предки, и готов был говорить об этом хоть до следующего дня. Но тут Наталья Васильевна, у которой, как оказалось, куры еще были не кормлены, взяла свой камень и положила его прямо перед академиком.

– Что я его, зря, что ли, сюда несла?..

– Ой, простите! – спохватился Владимир Всеволодович, взглянул на камень и сразу же забыл, о чем он только что вел разговор.

– Валентин, видите? – слышался его короткий диалог с помощником.

– Да!

– Это же мрамор!

– Заметьте, обожженный...

– С явными следами мозаики!

– И клеймо... Дата, Владимир Всеволодович, смотрите, дата, точнее, только начало ее: «В Лето...»!

– Ай, какая досада: сохранилась только часть надписи! – воскликнул Владимир Всеволодович. И хотя он огорченно качал головой, в тоне его звучали торжественные нотки: – Тем не менее, первый раз в жизни, до окончательного сбора информации, я готов сделать точный вывод, что здесь стоял терем Владимира Мономаха, когда он был Смоленским князем. Только он, сын византийской принцессы, внук, по матери, византийского императора, мог позволить себе заказать для тыльной стороны печки мраморную плиту с мозаикой!

– Более чем убеждает! – согласился Валентин.

– Там, кажется, назревает что-то интересное! – напрягая слух, шепнул Лене Стас.

– Ты так думаешь? – рассеянно переспросила она.

Но уже и все остальные за столом почувствовали, что найдено, действительно, нечто очень важное.

– А в чем дело, Владимир Всеволодович? – слышались голоса со всех сторон стола.

– Объясните и нам!

Академик охотно стал объяснять:

– Вот этот камень был когда-то частью большой мрамор-

ной плиты, которая, в свою очередь, была тыльной частью печки князя Владимира Мономаха.

– А что, он разве бывал в наших краях? – удивился дядя Андрей.

– Вот те раз! – развел руками академик. – Да он не просто бывал здесь, а жил, правил, вершил, как утверждают летописи, справедливый и праведный суд над вашими предками!

– Надо же, а я думал, он только в Киеве был... – покачал головой дядя Андрей.

– И я тоже... – поддержали его сразу несколько голосов.

– Да, он был в Киеве, великим князем. Но отнюдь не большую часть своей долгой жизни. Ну-ка, Даниил, ты у нас энциклопедист, скажи точно, сколько?

– Давай, Данька, не подведи науку! – подбадривающе воскликнул Александр, и Даниил, не задумываясь, ответил:

– Князь Владимир Мономах родился в 1073 и умер в 1125 году. Стал князем в Ростово-Суздальской земле в тринадцать лет, а великим князем в 1113 году. Следовательно, из сорока девяти лет своего княжения, на Киевском столе он сидел двенадцать лет и еще почти ровно один месяц.

– А теперь скажи-ка нам, когда он был князем в Смоленске? – попросил академик.

Даниил и тут без запинки ответил:

– Первый раз в 1070–1072 годах и второй с 1078 до смерти своего батюшки в 1094 году, правда, на этот раз, одновременно с княжением в Чернигове.

– Вот видите, так что у него было достаточно времени, чтобы построить здесь терем по своему вкусу и, возможно, по вкусу любимой жены, английской принцессы Гиты!

Владимир Всеволодович немного помолчал, словно отдыхая после тяжелого важного дела, и подытожил:

– Вот так-то, уважаемые потомки подданных князя Мономаха! Жаль только, что не сохранилось продолжение надписи. Тогда бы мы могли знать и точную дату основания вашей Покровки!

– Кабы я могла тогда это предвидеть... – с сожалением вздохнула Наталья Васильевна.

– Тогда бы ты и всю плиту к себе домой утащила! – захотел дядя Андрей. – Вот была бы гармония!

И все рассмеялись.

Смеялись даже Лена со Стасом. Это была действительно удачная шутка. Лена начала представлять вслух, как бы несла на себе эту плиту Наталья Васильевна и сколько бы пришлось ей после этого заквашивать капусты... Но Стас вдруг, ахнув, отбросил лопатку и принялся разгребать землю руками. Девушка, почувствовав, что он нашел что-то важное, стала быстро-быстро помогать ему.

И как только общее веселье затихло и Владимир Всеволодович, вытерев платком выступившие от смеха на глазах слезы, собрался продолжить разговор, раздался одновременный крик Стаса и Лены:

– Владимир Всеволодович! Сюда! Скорее!!

– Смотрите, что мы нашли!!!

Контуры плиты были четко обозначены, вся она подрыта...

– Вот так штука! Несколько десятков лет в археологии, а все не перестаю удивляться ей! – склонившись над частью расчищенного Стасом черного камня, только и смог развести руками академик.

– А в чем дело? Какая еще штука? – принялись требовать объяснений обступившие его студенты и местные жители.

– Закон парности! – многозначительно поднял указательный палец Владимир Всеволодович. – Не ищите его ни в одном учебнике, о нем даже наш уважаемый Даниил, уверен, не сможет сказать ничего. Потому что его просто нет даже в самой полной энциклопедии! Но поверьте моему опыту, да, собственно, это вам любой археолог, да и просто любитель-нумизмат сможет подтвердить, что он есть. Казалось, только-только найдешь раритет, то есть единственную в своем роде вещь, не успеешь ей нарадоваться, как тут же находится ей пара! То есть, вторая... Причем, точно такая же, разве что в лучшей или худшей сохранности...

– Вот видишь, и здесь пара! Я же говорю – это знак! – шепнула Людмила, незаметно пристраиваясь к Стасу.

Но разве до нее ему было сейчас?

– То есть вы хотите сказать, что это... – ошеломленно по-

смотрел он на академика.

– Да-да! – воскликнул, обрывая его, тот. – Судя по всему, вы нашли вторую часть мраморного камня. Надеюсь, большую, если даже не всю. И, может быть, даже с мозаикой и... датой! И, хоть я всегда был противником поспешности при проведении раскопок, мне не терпится, как можно быстрее расчистить и перевернуть ее, чтобы увидеть лицевую часть! Так что, за работу, мои дорогие друзья!

– А мы? Нам опять уходить за канаты? – спросила за всех своих земляков Наталья Васильевна.

– А вы, в виде еще одного исключения, можете оставаться здесь. Все-таки на ваших глазах, если так можно сказать, рождается история вашего родного села! – разрешил академик.

– Только отойдите немного подальше! – строго добавил завхоз и шепнул Валентину: – Мало ли что мы тут найдем! Вдруг окажется, что эта мозаика из чистого золота?

Тот недовольно поморщился и заметил:

– Из золота мозаик не делали – только из смальты и камешков!

– Вот видите, а камешки-то тогда разные были – изумруды, яхонты, рубины, смарагды... – обрадовался завхоз.

– Рубин и яхонт, между прочим, одно и то же! – снова поправил его Валентин. – Равно как и изумруд со смарагдом...

И следом за приступившим к работе академиком принялся осторожно расчищать найденный Леной и Стасом камень.

Все студенты, кто смог уместиться на участке два на три метра, начали активно помогать им.

Лена, которую сразу же оттеснили студенты, вздохнув, отправилась убирать и мыть посуду. Ее место тут же заняла Людмила. Она стала восторженно поздравлять Стаса с находкой, засыпать его градом вопросов, но тот, работая, словно не замечал ее, и на все вопросы отвечал коротко «да» или «нет», а то и просто ограничивался согласным или несогласным кивком.

Чем дольше продолжались работы, тем все ясней становилось, что это не камень, а плита, причем довольно крупных размеров, и тем радостней становился Владимир Всеволодович. Наконец, эта радость стала так переполнять его, что ему уже мало было довольно сопевшего рядом Валентина и напряженно-счастливых лиц студентов...

– Да что вы так далеко стоите-то? Подходите ближе! – позвал он стоявших поодаль местных жителей, и когда те, поглядывая на недовольно кашлявшего завхоза, приблизились, спросил: – Так на чем мы остановились?

– На гармонии! – кивнув на Наталью Васильевну, хохотнул дядя Андрей.

Но на этот раз уже никто даже не улыбнулся. Все ощущали серьезность момента. И Владимир Всеволодович, преподавательским чутьем уловив это, решил, что пора аргументировать беседу более конкретными данными.

– Ну-ка, Даниил, дай нам определение этого слова с точки

зрения науки!

– Пожалуйста! – пожал плечами тот и ровно, не повышая тона, начал: – По словарю Даля, гармония – это соответствие, созвучие, соразмерность, равновесие, равнозвучие, взаимность...

– Как ты сказал, повтори, пожалуйста, – перебила его Людмила и с хитринкой покосилась на Стаса, который даже не заметил этого взгляда.

– ...взаимность, – невозмутимо повторил Даниил и продолжил: – соотношение, согласие, согласность, соглас, стройность, благостройность, соразмерное отношение частей целого... А по Ожегову и Шведовой, гармония – это согласованность, стройность в сочетании чего-нибудь...

Даниил продолжал о том, что гармония бывает душевная, интересов, звуков, красок, добавил даже, что раньше бытовало выражение «поверить алгеброй гармонию», – то есть попытаться переложить на язык разума, логики то высокое, духовное, что доступно только чувству... О том, что один из самых ярких образцов гармонии – поэзия, которая является высшей формой организации человеческой речи... Затем он перешел к определению по старому словарю Ожегова, и тут Стас не выдержал:

– Слушай, ведь это же ходячий компьютер! Может, он еще и к интернету как-нибудь подключается? – шепнул он Ване и с шутливым сожалением добавил: – И зачем я тогда только с собой ноутбук сюда брал?..

Людмила тут же очаровательной улыбкой дала понять, как высоко она оценила эту шутку.

Она даже уже начала шептать, что больше всего ценит людей, у которых развито чувство юмора, но тут Владимир Всеволодович попросил Даниила остановиться.

– Сложновато все это на первый раз! – поморщившись, сказал он Валентину. – Сколько раз ни повторяй слово «мёд», а все равно от этого во рту слаще не станет.

– Да, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать! – согласно кивнул тот.

– И сейчас я, надеюсь, и им, и всем нам представится такая возможность.

Контуры плиты были четко обозначены, вся она подрыта, и осталось только лишь перевернуть ее лицевой стороной вверх или поставить набок. По совету дяди Андрея и тракториста, остановились на последнем.

Тракторист даже предложил принести трос и подсобить трактором, но Владимир Всеволодович только испуганно замахал на него руками:

– Что вы! Что вы! Разве это вам какая-нибудь плита от панельного дома?!

– Что у нас, рук, что ли, нет? – поддержал его дядя Андрей.

Он привычно поплевал на руки, к нему подошли другие мужчины и студенты покрепче. Наталья Васильевна и та встала рядом.

Несколько пар рук подлезли под тяжелую плиту, напряглись...

– И – раз! – побагровев от натуги, скомандовал дядя Андрей.

Плита дрогнула и слегка приподнялась...

– Только умоляю вас, осторожнее! – бегая вокруг нее, просил академик. – Она может быть треснутой, и тогда трудно представить, какие могут быть последствия...

– И – два! – не слушая его, продолжил дядя Андрей.

– Есть, есть мозаика, Владимир Всеволодович! – юркнув почти под плиту, радостно закричала Юля.

– И – тр-р-ри!

Спины поднимавших плиту людей одновременно разогнулись, и раздалось единое радостное:

– Есть!!!

**– Надо же, какой был у нас правитель! –
послышались восхищенные голоса.**

Студенты, все как один, так дружно кинулись смотреть, что же там на другой стороне, что плита угрожающе пошатнулась. Хорошо, сельские мужчины были опытнее в таких делах, остались на месте, иначе плита бы всей тяжестью рухнула назад, и, как опасался Владимир Всеволодович, не миновать беды, причем не только с плитой...

Только после того, как плиту основательно установили и

подкрепили двумя подпорками, академик первым обошел ее, взглянул и с восхищением покачал головой:

– Это – самая лучшая находка за все время моей археологической жизни!..

На мраморной плите перед ним во всем своем великолепии раскрывалась почти полностью сохранившаяся мозаика. Ствол и листья дерева, цветы, бабочки, птицы, какое-то особенное, неземное солнце... Все это было, в основном, фрагментами: – там птичье перышко, тут часть грозди винограда, здесь причудливо извивающаяся ветвь, – но перед опытным взглядом академика сразу слилось в единую картину...

– Ты... видишь? – чуть слышно окликнул он Валентина.

– Да, – райские кущи... – тоже, как замороженный глядя на плиту, кивнул тот.

– Конечно... – улыбнулся Владимир Всеволодович и, не без труда отрывая повлажневшие глаза от мозаики, обернулся к стоявшим за его спиной людям:

– Ну, поняли, наконец, что такое полная гармония?

И улыбка медленно стала сползать с его губ.

Не только мужчины, но и многие из студентов переминались с ноги на ногу и недоуменно переглядывались. Им не хотелось огорчать академика. Но и понять что-то в этих орнаментах и фрагментах они, как ни старались, ничего не могли.

– Вроде как луг какой... – осторожно стали высказывать свои предположения люди.

– Или лес...

– Ага, во время весенней охоты на уток...

Дядя Андрей тот и вовсе предположил:

– Может, мы ее не тем боком поставили.

– Да молчал бы уж лучше! – зашикали на него остальные. – Сами мы перед ней, видать, и правда, не теми боками стоим!

Словом, плита не произвела на всех того впечатления, на которое так надеялся Владимир Всеволодович.

И только Наталья Васильевна, блаженно прищурившись, прошептала:

– Красиво-то как! Просто глаз не оторвать...

– А? Что? – услышав ее голос, словно очнулся академик и попросил как можно скорее принести найденный ею камень.

Плита в некоторых местах оказалась щербатой. Но для этого камня сразу же нашлось его родное место. Валентин осторожно приставил его к нему и сообщил:

– Есть потери. То есть нет первой цифры...

– Говори, не тяни! – заторопил его академик. – Главное, чтобы самые последние сохранились!

– Сохранились, сохранились, Владимир Всеволодович! Значит, так: ХАГ...

– Какие же это цифры? Это же буквы... – недоуменно посмотрел на ученых тракторист.

– Все правильно! – остановил его Владимир Всеволодович. – Раньше, еще со времен античности, люди обозначали

цифры буквами, а христиане вели счет годам от сотворения мира. Чтобы получить дату в понятном для нас, современном летосчислении, нужно произвести небольшие математические подсчеты и вычесть из даты от сотворения мира время, протекшее от сотворения мира до Рождества Христова – 5508 лет. Что получается в итоге, Даниил?

– Одна тысяча сто пятый год! – немедленно отозвался тот.

– Вот те раз! – развел руками дядя Андрей. – Это, что же, нашей Покровке, выходит, – девятьсот лет?! Выходит, она старше Москвы?

– Да при чем тут Москва? – накинулся на него тракторист. – Ты глубже, глубже борони! Не девятьсот – а ровно девятьсот лет! Юбилей! Причем как раз в точку: ведь сказано – летом!

– Не летом, а «В Лето», то есть – в таком-то году, как принято было тогда писать, – поправил его академик. – Но, в принципе, вы совершенно правы. У вашего села, действительно, юбилей! И плита эта обнаружена действительно летом! И именно сегодня, 27 июня, в день памяти вашего князя! – торжественно возвысил голос он и шепнул Валентину: – Вот на что я надеялся!

– Как – неужели Мономаха? – покрутил головой уже начавший уставать от такого изобилия новостей дядя Андрей.

– Нет, другого, – улыбнулся ему Владимир Всеволодович, – святого Мстислава Храброго, он княжил на полвека позже него. А ну-ка, Даниил, просвети-ка нас...

Даниил кивнул и, пару мгновений подумав, ответил:

– Мстислав, во святом крещении, по последним данным сфрагистики, Феодор. Первое упоминание в летописи – 1173 год. Правнук Владимира Мономаха и прадед Александра Невского по материнской линии. Жил недолго, но, по свидетельству современников, был украшением века и Руси. За необыкновенное мужество и блистательные победы получил прозвище Храброго. Народная любовь к сему князю была столь велика, что граждане смоленские в 1175 году единогласно объявили его, в отсутствие своего князя Романа, своим государем, изгнав Ярополка Романовича. Мстислав согласился властвовать над ними единственно для того, чтобы усмирить их и вернуть престол старшему брату. В 1179 году уже строптивые новгородцы упростили его стать их князем. Но почти год спустя, четырнадцатого июня (двадцать седьмого – по новому стилю) 1180 года, причастившись Святых Таин, сразу после Литургии князь навеки закрыл глаза...

– Надо же, какой был у нас правитель! – слышались восхищенные голоса.

– Слыхали – Храбрый!

– Не часто такое прозвище народом давалось!

– И еще, – добавил Даниил, – его сын, тоже Мстислав, именовался по одним летописям Храбрым, а по другим – Удатным. То есть, как писалось тогда в летописях, этот князь являлся благочестивою отраслью благочестивого кореня!

И показал глазами на мозаику.

– Да, мужики, и юбилей, и такой князь... – Это дело надо отметить! Причем, одним пивом тут явно не обойтись!

– Только не здесь! – предупредил Владимир Всеволодович.

Мужчины немедленно отправились отмечать неожиданные новости. Женщины ушли по своим домашним делам.

И, оставшись снова одни, студенты плотным кружком обступили своего руководителя, стоявшего перед мраморной плитой с древней мозаикой.

– А что? Прекрасная мысль! – сразу же одобрил Владимир Всеволодович.

– Так я и не сумел объяснить им, что такое гармония! – даже не зная, радоваться ему или огорчаться, сказал академик. – Как говорится, в бочке меда – ложка дегтя!

Студенты наперебой принялись успокаивать его:

– Владимир Всеволодович! Время сейчас такое!

– Включите телевизор, послушайте радио – там же в основном все низкопробное, по принципу: чем хуже, тем лучше!

– Да, – подтвердил Валентин, – планка культурных и нравственных ценностей народа опускается все ниже и ниже...

– Ну-ка, дай послушать! – вместо ответа, попросил у Александра Владимир Всеволодович.

Александр с готовностью протянул наушники... лежащие

на зачетной книжке.

– А это еще что? – вскинул бровь академик, но ради праздника не стал спорить и, вложив наушники в уши, стал расписываться в графе «зачет».

Насколько радовался Александр, настолько мрачнело лицо академика.

– Да, – наконец сказал он. – Если бы все это слышал, видел и мог знать Владимир Мономах...

– Но ведь спрос-то на все это есть, Владимир Всеволодович! Причем, массовый! – успокоенный тем, что зачет уже все равно поставлен, с улыбкой осмелился возразить академику Александр.

Тот внимательно посмотрел на него и, возвращая зачетку с наушниками, сказал:

– Да, к сожалению, есть. Но во все времена всегда человеку давался свободный выбор между добром и злом. Зло, увы, проще, доступнее, представляется слаще. А сейчас и вообще оно везде и всюду выдается едва ли не за добродетель. Посмотрите на вывески некоторых магазинов: «Мир страстей», «Тысяча соблазнов», «Обжорка», «Эгоист»... Включите телевизор – и, за редчайшим исключением, это зло сразу же встретит вас под яркой, притягательной личиной. Стрельба, кровь, словесная грубость и просто похабщина, песни, которые и в подворотне-то петь стыдно, разврат... Вы увидите невольно располагающих к себе, благодаря стараниям сценаристов, режиссеров и, что самое печальное, порою дей-

ствительно талантливых актеров, красивых, респектабельных убийц, мошенников, блудников... Стоит ли после этого удивляться, что мы не можем понять настоящую красоту?

Владимир Всеволодович указал на мозаику и вдруг увидел в яме торчащий из-под плиты небольшой железный острый предмет с двумя зубцами...

– А это еще что такое?!

– Наконечник стрелы! – быстро подняв его, сразу определил Валентин. – Татаро-монгольский, хотя художники почему-то любят изображать такие именно у русских воинов! Такими, снарядив их тлеющей веревкой, специально стреляли, чтобы они, зацепившись зубцом за крыши, поджигали избы, дома, терема...

– Я спрашиваю, почему он не был обнаружен сразу? – согласно кивнув ему, жестом подозвал академик Ваню.

– Так ведь, Владимир Всеволодович, он под плитой лежал, вот миноискатель его и не определил! – виновато объяснил тот.

– Может, он и еще что у тебя не определил? – внимательно посмотрел на него Владимир Всеволодович.

– Сейчас еще раз проверю!

Ваня взял миноискатель и в который раз принялся обследовать участок за участком.

– Плиту следует закрыть брезентом! И от пыли и... от возможного дождя! – с тревогой посмотрев на наплывающие на небо тучи, приказал завхозу академик и продолжил разговор

со студентами.

Говорили все о той же гармонии, о том, что сейчас катастрофически теряется то ценное, что веками и даже тысячами годами накапливали наши предки. Единственное, что еще, как водораздел, защищает подлинные нравственные ценности от всего наносного и низкопробного, – это классика, то есть уже испытанные и проверенные произведения искусства. Либо же новые, созданные в этом духе, которым еще предстоит пройти испытание временем.

Лишь Людмилу, Александра и завхоза почти не интересовала тема этого разговора.

Людмила несколько раз пыталась заговорить со Стасом, но каждый раз наткнулась на абсолютное равнодушие и невнимание с его стороны.

Александр любовался полученным зачетом. Он мог бы, найдя подходящий предлог, хоть завтра же уехать в Москву, но, то и дело поглядывая в сторону хлопотавшей около обеденного стола Лены, думал, что здесь может быть намного интереснее...

А завхоз, выполнив приказ начальника, незаметно подсел к Валентину и, словно между прочим, спросил:

– А что это за камни на нашей мозаике?

– Смальта! – отмахнулся от него тот, не переставая слушать своего руководителя.

– Смальта... смальта... – запоминая, повторил завхоз и, отыскав глазами Даниила, поспешил к нему.

– Ну-ка, энциклопедист, объясни мне, что такое смальта? – потребовал он. – А я тебе за это, так уж и быть, баночку рыбных консервов организую!

– Да я, собственно, и без всяких консервов... – начал было Даниил, но завхоз остановил его:

– Но-но! Любой труд должен быть вознагражден!

– Хорошо, как скажете! – согласился Даниил и, честно отработывая обещанную награду, отчеканил: – Смальта – небольшие куски цветного непрозрачного стекла, получаемые плавлением стеклянной массы с добавлением солей и окислов различных металлов, придающих нужную окраску; применяется для изготовления мозаики.

– Тьфу-ты! И только-то? Ладно, дам тебе за такую информацию банку... килек в томатном соусе! – даже сплюнул от разочарования завхоз, что не осталось незамеченным академиком.

– Еще раз увижу, что вы плюете в историческом месте, отправлю туда же, куда уже отправил вас курить! Только на сей раз уже до окончания сезона! – строго выговорил он ему.

– Так ведь, Владимир Всеволодович, это я от огорчения! – оправдываясь, развел руками завхоз. – Думал, мозаика наша из драгоценных камней, а она оказывается – из простого стекла!

Академик посмотрел на него и укоризненно покачал головой:

– Да разве же в материале вся ее ценность? Между про-

чим, даже если бы похожая плита была сплошь из червонного золота или драгоценных камней, любой состоятельный коллекционер заплатил бы за эту на порядок, а то и на два, выше!

– Надо же... – уже совсем с другим видом глядя на мозаику, обошел плиту завхоз и отправился за канаты, судя по всему, перекуривать эту новость.

Студенты, даже не заметив его отсутствия, продолжали высказывать предложения, как помочь людям Покровки понять то, как и чем жили их предки. Кто-то до хрипоты доказывал, что нужно сделать музей под открытым небом, кто-то настаивал на том, чтобы организовать цикл лекций для жителей этого села...

Так продолжалось до тех пор, пока не послышался громкий голос Стаса.

– Есть идея! – внезапно воскликнул он, и когда все лица обратились к нему, словно подражая академику, значительно поднял указательный палец: – Юбилей!

– Что? – попросил его объяснить подробнее, что он имеет в виду, академик.

Стас поднялся и заявил:

– Надо его как следует отметить!

– Как?! И ты туда же? – кивая на магазин, засмеялись студенты.

– Да нет, вы меня неправильно поняли! – отмахнулся от них Стас. – Нужно организовать такое празднование юби-

лея Покровки, чтобы все наглядно поняли, и как жили наши предки, и что такое гармония!

– А что, дело хорошее, или, как раньше говорили, – правое дело! – первым оценил предложение Стаса Валентин.

– Bravo! – захлопала в ладоши Людмила.

– Вот видите, я бы сказал – бравое дело!

– Ну, раз даже бравое, то я – только за! – согласился Владимир Всеволодович. – Только как вы это себе сами-то представляете?

– Очень просто! Организуем хороший концерт с дискотеккой! – оживились студенты.

– Пригласим знаменитых артистов, рок-группу покруче...

– Только этого половецкого нашествия здесь еще не хватало! – сразу же категорически отверг эту мысль академик.

– Ну, тогда можно попросить приехать ансамбль художественной самодеятельности, с гусями, в древних нарядах...

– Стилизация... – поморщился академик. – Я, конечно, приглашу из Москвы два-три лучших этнографических коллектива и клуб любителей ратного мастерства... Но надо, чтобы люди не только глазами, но и сердцем почувствовали дух той эпохи!

– А как это можно сделать?

– Что тут еще можно придумать? – переглядываясь между собой, задумались вслух студенты.

И тогда Стас снова сказал:

– Водораздел!

– Что? – переспросило его сразу несколько голосов.

– Водораздел! – повторил Стас и объяснил: – Нужно поставить спектакль прямо на этой самой площадке о тех самых временах, на фоне этой самой мозаики, только в самом что ни на есть классическом ключе.

– А что? Прекрасная мысль! – сразу же одобрил Владимир Всеволодович. – Только сделать это нужно в предпоследний день нашего пребывания здесь, когда все работы будут закончены и площадка освободится под сцену!

– В бюджете на это нет средств! – начал было с возмущением завхоз, но студенты встали стеной между ним и руководителем:

– Своими поделимся! – дружно заявили они. – Съездим в район, область, договоримся с театром, музеями! Разве для такого события не помогут?

– Тогда решено! – подвел итог академик. – Ты, Станислав, как поэт, подыщешь подходящую пьесу, в перерывах займемся репетициями. Ну, и прямо же сегодня повесим объявление о праздновании юбилея Покровки и назовем его, скажем... «Мы – до нас!»

– Мы – до нас? – одобрительно переспросил Валентин. – Надо же, как вы это красиво придумали!

– Это не я! Это с их слов, – кивнул в сторону мужчин, выходявших из магазина, академик. – Так что есть еще немалый культурный потенциал у нашего народа, и, как бы кто ни старался опускать планку накопленных нашими предка-

ми культурных, нравственных и духовных ценностей, ничего у него не получится. И тому свидетель не я, а сама история!

Казалось бы, точка в разговоре была поставлена, но тут Ваня неожиданно отбросил миноискатель, принялся шарить по земле руками и явно что-то нашел.

– Что там? – крикнул ему Владимир Всеволодович.

– Да так, ерунда! – отозвался тот.

– И все же? Неси сюда, покажи! – потребовал академик.

Ваня подбежал и показал обычный современный рубль.

– Я же сказал, ничего особенного! Наверное, кто-то из наших уронил...

– Ничего особенного? Это еще как сказать... – задумчиво покачал головой академик.

Он показал всем монету, на которую и купить-то особо ничего не купишь, и, глядя куда-то далеко-далеко, сказал:

– Пройдет лет сто, а может и тысяча, кто-то из наших далеких потомков, увидев такой вот рубль, тоже ведь спросит, а какими они были, наши предки? И вот вопрос, который я часто задаю себе, а теперь хочу задать и вам: что им ответят наши будущие коллеги-историки?

Глава третья

Божий суд

– Так я тебе и сказала! – с досадой прошептала Юля.

Предосторожность бывалого археолога Владимира Всеволодовича насчет найденной плиты с мозаикой оказалась совсем не лишней. Живые барометры местных стариков оказались намного точнее сводки погоды, обещавшей жаркий и солнечный день без осадков. Как и говорила всегда все знающая Юля, после ужина сначала закапал, а потом полил сильный и долгий дождь. Но тщательно укрытая брезентом плита была уже надежно защищена даже от самого сильного ливня.

– Ой, как хорошо! – первой обрадовалась дождю Лена и, смахнув со лба прядь волос, объяснила помогавшему ей складывать посуду Стасу: – Не надо будет сегодня идти поливать огород!

– Устала? – понимающе кивнул ей Стас.

– Что ты! – удивилась Лена. – Мы, деревенские, – ко всему привычные! Просто... – она чуть запнулась и покраснела. – Теперь я целый вечер смогу побыть с тобой!

– И я тоже! – неожиданно раздался голос невесть откуда

возникшего Вани.

– Да-да, конечно! – без особого воодушевления согласилась Лена, и Стас тоже не решился вот так, с первого же дня, отказывать другу.

– Заодно и поработаем! – предложил он.

– Чего-о?! – с недоумением посмотрел на него Ваня. – Тебе что – за день, что ли, не хватило?

– Но ты же ведь сам слышал, какое задание дал мне Владимир Всеволодович!

– У меня, между прочим, в это время наушники от миноискателя на ушах были! – напомнил Ваня.

– Тогда объясняю, – не стал спорить с ним Стас. – Нужно найти через Интернет подходящую историческую пьесу для постановки прямо на месте раскопок и написать объявление о праздновании 900-летия Покровки.

– А, ну это можно... Дел-то на пару минут! – обрадовался Ваня и с лукавинкой подмигнул другу: – А потом дашь мне свой компьютер, я на нем в игры поиграю! А вы тем временем с Ленкой пообщаетесь...

– Ой, Стасик, найди ему такую игру, чтобы он всю ночь от нее оторваться не смог! – попросила Лена и, поймав на себе насмешливый взгляд брата, покраснела: – То есть я хотела сказать, пока мы с ним будем разговаривать! И вообще, я пока домой сбегая, переоденусь, а вы идите и как следует наболтайте по дороге, чтобы потом уже только на меня одну у Стасика время осталось! – вконец застеснялась она и

убежала.

Сидевший под пологом за большим столом Александр посмотрел ей вслед, затем подождал, пока уйдут Стас с Ваней и, подойдя к Юле, спросил:

– Слушай, ты не знаешь, где живет этот Ваня?

– А зачем он тебе? – сразу же насторожилась та.

– Да понимаешь... – прямо на ходу стал выдумывать парень, – у меня в плеере батарейки сели, и, как назло, сегодня дежурить с десяти вечера до двух ночи. А в магазине таких нет. Может, у него найдутся? Я у него однажды похожий на мой плеер видел!

– Нет, не знаю... – сделав вид, что немного подумала, отрицательно покачала головой Юля.

Александр с недоумением посмотрел на нее:

– А говоришь, все знаешь...

В Юле несколько мгновений отчаянно боролись противоположные чувства: ревности и гордости, но ревность, в конце концов, пересилила, и она уже твердо сказала:

– Значит, все, да не все!

– Ну ладно! – пожав плечами, отошел от нее Александр.

– Так я тебе и сказала! – с досадой прошептала Юля. «Знаем мы, какой тебе “Ваня” нужен... Нет, вашу с Людкой любовь я разбила, а эту, наоборот, буду беречь теперь, как наш руководитель – эту мозаику. Еще бы – такая чистая любовь по нынешним временам, как бы он выразился, – раритет!» – Хотя, как говорит все тот же Владимир Всеволодович, есть

и «закон парности»... – вдруг задумалась она вслух и с надеждой посмотрела на подбежавшего к Валентину и, судя по всему, задавшему ему тот же самый вопрос Александра...

– Я пока вижу лишь то, что тебя что-то мучает! – прервал Ваня друга.

Ваня со Стасом неторопливо шли по мокрой дороге.

Дождь прекратился так же быстро, как и начался. Но потемнело еще больше, словно он собирался с еще большей силой обрушиться на землю.

– Как бы урагана не было! – с тревогой посмотрел на небо Ваня. – В этом году обещают сильные грозы и шквалы. У нас однажды такое уже было – с некоторых домов даже крыши сорвало.

Он несколько раз оглянулся прямо на ходу и, наконец, озабоченно покачал головой:

– И вообще не нравится мне все это...

– Что, крыша у вашего дома совсем слабой стала? – думая о чем-то своем, рассеянно уточнил Стас.

– Да нет... У моего отца руки золотые, если что сделает – то раз и навсегда! Я о другом... Зря они ее так оставили!

– Кого?

– Не кого, а что, – эту плиту с мозаикой!

– Так ведь они ее брезентом укрыли!

– Причем тут брезент? Ее в бронированный сейф сразу

надо прятать было! Ты что, ничего не понимаешь?

– Нет...

Ваня посмотрел на Стаса и покачал головой:

– Ну, ты, словно Владимир Всеволодович, в другом времени жить стал! И вообще, что с тобой? Прямо какой-то малосольный приехал! Дома что-то случилось?

– Да нет... Скорее, наоборот!

– Что, на личном фронте? Говори, я тебя, как мужчину мужчину, пойму и не выдам.

– Да какой у меня может быть личный фронт, кроме того, который ты каждый день перед своими глазами видишь! – усмехнулся Стас.

– Я пока вижу лишь то, что тебя что-то мучает! – прервал его Ваня. – И Ленка вся уже извелась от этого... Всякие глупые мысли ей в голову лезут. Мне-то, как другу, хоть можешь сказать?

– Нет...

– Но почему?

– Да потому что я и сам еще толком ничего не пойму... Как только во всем разберусь, сразу скажу. И тебе, и Ленке!

– Ладно... – не очень охотно согласился Ваня и, желая поднять настроение другу, перевел разговор в другое русло: – Тебе хорошо, ты уже определился, и куда поступать, и кем быть.

Стас как-то странно посмотрел на него и ничего не ответил, только стал еще более мрачным.

– А я вот еще не решил, что буду делать после школы! – не замечая этого, продолжал Ваня. – Сначала, наверное, отцу пойду помогать. А то эти браконьеры вконец обнаглели. А после – в армию...

– Дедовщины-то не боишься?

– Ха! Это они пусть меня боятся! – Ваня сжал пальцы во внушительный кулак и показал его другу.

– Что – сам других обижать будешь? – удивился Стас.

– Нет, наоборот! «Блажени миротворцы, яко тин сынове Божии нарекутся», – процитировал Ваня и мечтательно вздохнул: – Представляешь – стать сыном Самого Бога! Так что рота, в которой я служить буду, образцово-показательной для всего полка, а то и дивизии, станет! А может, и по церковной линии пойду... Отец Михаил говорил, из меня неплохой священник получиться может...

– А может, все-таки, в институт?

Ваня отрицательно покачал головой:

– Никак невозможно! На бесплатный вуз не хватит моих знаний, а на платный – денег... К тому же Ленка растет, пусть ни в чем не нуждается, а потом я и с институтом хоть ей помогу!

– Об этом пусть твоя голова не болит! – предупредил Стас. – Со временем я сам о ней беспокоиться буду!

Ваня так внимательно посмотрел на него, что даже приостановился:

– Значит, у тебя с ней действительно все так серьезно?

– А ты как думал? – удивился Стас. – У нас в роду это генетически. Если женятся или выходят замуж, то, как ты говоришь, – раз и навсегда!

– Значит, не только друзьями, но и родственниками будем! – обнимая Стаса за плечо, обрадовано проговорил Ваня и снова беспокойно оглянулся.

– Да что ты так за эту плиту боишься, ну, сам подумай, кто такую махину утащить сможет? Ничего с ней не случится! – тоже обнимая его за плечо, успокаивающе заметил Стас.

– Случится, может, и не случится, – кивнул Ваня. – Но не нравится мне, то что внедорожник с черными археологами все время вокруг нас ездил...

– Ну и что в этом особенного?

– Так ведь отец-то весь день сегодня дома – радикулит у него... Они бы, воспользовавшись таким случаем, из лесу бы не вылазили! А еще этот антиквар...

– Что антиквар?

– Тоже должен в районе быть, ведь его основной хлеб – сидеть и дожидаться от населения старинных вещей, ловить, так сказать, золотую рыбку в мутной воде...

Ваня понизил голос и сказал о том, что, на его взгляд, было самым подозрительным:

– Но самое главное, после того, как мы эту плиту нашли, они все вместе с нашим завхозом у магазина сошлись и целых полчаса делали вид, что курили!

– Ну и что здесь такого?

Ваня посмотрел на всегда мгновенно соображавшего друга, который на этот раз, силясь понять, куда он клонит, только выжидающе смотрел на него и, теряя всякое терпение, выпалил:

– А то, что этот антиквар не курит!

Стас тут же превратился в прежнего Стаса и быстро сказал:

– А вот это уже действительно интересно... Если прибавить, что и Молчацкий тоже где-то здесь, говорят, крутится... Это что же тогда получается: черные археологи, антиквар, Молчацкий, завхоз...

– Ну наконец-то! – обрадовался Ваня. – Только я думаю, Молчацкий и, тем более, завхоз здесь ни при чем.

– Почему?

– Над ним и так один срок висит, и он, как только может, старается смягчить будущее решение суда... А завхоз – мелкая сошка, просто хапуга, который на экономии бюджета студентов зарабатывает себе на пиво и сигареты.

– А он, собственно, кто? Из местных?

– Да нет, их – институтский! Мне одна студентка, которая говорит, что все знает, рассказывала, что он был завхозом всего института, пока там что-то ценное не пропало...

– Вот видишь – пропало! – в волнении перебил Ваню Стас. – Может, тоже его работа?

– Да нет, он скорее тогда потерпевшим оказался! – с сомнением покачал головой тот. – За это его даже не уволили,

а в гардеробщики перевели. Владимир Всеволодович пожалел. Он же его, кстати, и в Покровку на раскопки привез. Нет, хищение плиты – масштаб не его уровня. И тут, скорее всего, он просто хотел получить мзду за сообщение о находке ценной плиты... А вот что касается антиквара, то это, я скажу тебе, действительно, еще тот фрукт!..

– Слушай, тогда надо срочно возвращаться и все это рассказать Владимиру Всеволодовичу! – встревожено предложил Стас.

– Да уж говорил! – с досадой отмахнулся Ваня.

– А он?

– Что он... Ходит, как пьяный от счастья! Сказал примерно то же, что и ты! Что полутонная плита – не монета, которую в кармане вынесешь; что удвоил сегодня охрану... – перечислил Ваня и удивленно прищурился: – И вообще пошли – видишь, уже свет в твоём доме горит! Ну, Ленка, и как это она везде и всюду успевает?..

– А ты представь себе, что это кино, – посоветовал Ване Стас.

Дом, купленный родителями Стаса для отдыха в деревне и отданный им под гостиницу для паломников в Покровку, встретил Стаса знакомыми запахами и совершенно новым интерьером в родительской комнате.

Она была оклеена новыми обоями, выкрашена, выбелена

и уставлена металлическими кроватями.

– Ваня хотел и у тебя обои поменять, дверь и окно покрасить. Только я не дала! – входя следом за Стасом в его комнату, сразу предупредила Лена.

– Почему? – удивился тот, разглядывая приклеенные им несколько лет назад на стену, когда он размышлял, кем стать, в качестве образцов для подражания, портреты министров, президентов и генералов, и услышал в ответ тихое:

– Да так, когда войдешь, сядешь, вроде и ты тут... Ну, словно на минутку вышел и вот-вот вернешься...

Лена посмотрела на Стаса и вздохнула:

– Ну почему ты так редко писал? За два года всего пять писем...

– А «смски»? А звонки? – удивился Стас. – Кстати, и ты не особо баловала меня частыми письмами.

– Я писала тебе, знаешь сколько? – возразила Лена и тут же поправилась: – Только мысленно... Но – каждый день!

– Ну, тогда, значит, я каждый день отвечал тебе!

– Правда?

– Не совсем...

– Как это? – ахнула от огорчения Лена, и Стас поспешил успокоить ее:

– Иногда я писал тебе и сам, не дожидаясь твоих мысленных писем!

Он достал из сумки ноутбук, поставил его на стол и при помощи мобильного телефона подключился к Интернету.

Лена подседа к нему поближе и, положив перед собой большой лист бумаги, стала большими буквами писать объявление. Ваня устроился чуть позади.

– Ну, начали! – объявил Стас, и на дисплее одна за другой стали появляться изображения красиво оформленных и просто текстовых страниц.

Ваня успевал следить за почти мгновенными действиями друга.

– Не то... не то... – только и слышалось бормотание Стаса. – Это – как бы сказал Владимир Всеволодович – стилизация под историю, а не сама история. Эта из другой эпохи. А эта, вроде, из той, но уж очень большая по объему.

– Но ведь она же про Мономаха! – неожиданно остановил его Ваня. – А можно еще раз посмотреть?

– Пожалуйста! Вот: «Дань Мономаха». Даже не пьеса, а целая драма! – охотно выполнил его просьбу Стас и быстро-быстро стал перелистывать страницы.

– Стасик, можно помедленнее! Мы не успеваем... – взмолилась Лена, которая тоже заинтересовалась драмой о Мономахе.

– Если б я так работал, как вы просите, то мало бы что успел... – усмехнулся Стас. – Но для вас – все, что угодно! Хотя уже могу сказать, что это – остросюжетная драма, с элементами мелодрамы, в стихах. Выполнена в классическом, я бы даже сказал, – эпическом стиле.

– Вот видишь! Как раз то, о чем говорил Владимир Все-

володович. Самая что ни на есть – гармония!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.